

УДК 161.111

Лазарев Ф.В.

ПЕРСПЕКТИВИЗМ И ИНТЕРВАЛЬНОСТЬ

АНАЛИЗ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЙ

Перспективизм – одна из плодотворных, сквозь века идущих философских идей. Она, несомненно, близка к концепту интервальности [1], а иной раз даже сливается с ним, образуя его «внутренний момент». Этим и объясняется обостренный интерес к этой идее у представителей интервального направления. Различие между перспективизмом и интервальностью прежде всего носит исторический характер: перспективистская идея на протяжении столетий у разных мыслителей представала в той или иной версии. В истории философии все эти версии существенно отличались друг от друга, ибо они встраивались в философские системы, не совпадающие между собой по своим онтологическим и эпистемологическим основаниям. В этом широком смысле слова можно сказать, что и интервальность есть не что иное, как одна из современных трактовок перспективизма в контексте учения о многомерной структуре реальности. В разных философских концепциях, принимавших обсуждаемую идею, место и значимость этой последней оценивалось по-разному, так, у Лейбница перспективизм тесно связан с общим учением о монадах и сам по себе занимает весьма скромное место, напротив, в методологических построениях Ортеги-и-Гассета ему придается весьма важное значение, а у Агацци, к примеру, он вообще ставится во главу угла. Из этих примеров можно сделать вывод, что по мере приближения к философии конца XX в. интерес к этой идее возрастал.

Если рассматривать перспективизм как некий «инвариантный» эпистемологический постулат, то его смысл может быть сформулирован следующим образом: *окружающие нас вещи и явления всегда предстают перед нами с какой-то определенной точки зрения, в том или ином контексте, иначе говоря, знание вещей и явлений предпосылочно в том смысле, что оно необходимо обусловлено соответствующей перспективой их рассмотрения.* Наблюдение за нашими познавательными действиями свидетельствует, что на одну и ту же вещь можно посмотреть по-разному. Отсюда вытекают два гносеологических следствия: во-первых, всякая полученная таким путем истина оказывается «ситуативной», определяемой заданным контекстом и потому лишь относительно заданных условий справедливой (контекстуальный релятивизм); во-вторых, существование множественности способов видения одной и той же вещи обуславливает факт множественности и соответствующих истин (контекстуальный плюрализм).

Исключает ли перспективизм с его релятивизмом и плюрализмом возможность получения человеком объективной истины? Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы мыслим себе сам феномен «перспективы». Чем она обуславливается – субъектом или объектом? Другими словами, следует различать два типа релятивизма – субъективный и объективный. Говорить об объективной истине не приходится, если всякая перспектива видения задается исключительно субъективной сферой человека. Что касается релятивизма второго типа, то он не противоречит идее адекватного познания, если при постижении вещи мы не выходим за рамки того контекста, в котором она берется как объект нашего внимания и если под вещью мы подразумеваем только то, чем она актуально является в заданных условиях. (Именно эта проблема условий бытия вещи в тех или иных контекстах детально обсуждается в интервальной эпистемологии) [2].

Вторая трудная для перспективизма проблема связана с решением следующего вопроса: как возможно тождество вещи при переходе от одной точки зрения к другой? К примеру, часы, лежащие передо мной в качестве потребительной стоимости, измерительного прибора и физического тела – это *одна и та же вещь* или между указанными ипостасями ее нет ничего общего? Традиционные версии перспективизма не дают ясного ответа на этот счет. При обсуждении этого вопроса мы сталкиваемся, в частности, с понятием тождества и различия, с разного рода логическими процедурами отождествления. Отнюдь не случайно, что в интервальной теории абстракций подвергнуты самой тщательной логической проработке такие понятия, как «абстракция отождествления», «абстракция неразличимости» и т.п. [3]. И все же можно сказать, что в рамках «перспективистского» подхода в принципе можно рассмотреть возможные пути решения этого вопроса. Дело в том, что разные перспективы не обязательно абсолютно разделены между собой. Они могут пересекаться, примыкать друг к другу, выстраиваться по принципу иерархического вложения одна в другую и т.д. Это-то и позволяет при определенных условиях фиксировать *одну и ту же вещь* при переходе от одной ситуации к другой.

Наконец, третий методологический вопрос, который естественно возникает при анализе обсуждаемого подхода, это вопрос о так называемых непредикативных определениях, ведущий к парадоксу: тезис о том, что всякая истина о вещах необходимо обусловлена тем, под каким «углом зрения» эти вещи рассматриваются, является ли таким утверждением, истинность которого сама в свою очередь зависит от какой-то перспективы? Отвечая на вопрос положительно, мы, формально говоря, тем самым перечеркиваем универсальность и серьезную эвристическую ценность перспективистской методологии.

Рассматривая же данный тезис как универсальный, мы неизбежно должны свети его к *частной* точке зрения. Ведь отвечая отрицательно, мы вынуждены признать факт необщезначимости перспективизма, ибо он в этом случае относится только к *уровню* познания вещей, но не справедлив в отношении более высоких этажей рефлексии, например, таких, как методологический анализ. При такой логике получается, что перспективизм не подчиняется требованиям своей собственной методологии. Однозначный выбор из двух возможных ответов, если он имеет место,

связан, скорее, с той или иной версией, а не с концепцией как таковой. Какой путь решения предлагает интервальный подход, мы рассмотрим ниже.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В истории древней философии идея перспективизма, по-видимому, восходит к знаменитому тезису Протагора «человек есть мера всех вещей». Во всяком случае, подобная реконструкция учения античного мыслителя вполне мыслима, если не выходить за рамки эпистемологии. Было бы натяжкой приписывать Протагору понятие контекстуальности, но идея «относительности к человеку» просматривается довольно отчетливо. При этом речь может идти об относительности скорее в объективистском, чем в субъективистском духе.

Более отчетливо обсуждаемая идея представлена в философии Лейбница. В своей «Монадологии» он писал: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно *различным точкам зрения* каждой монады» [4, с. 422-423]. В другом месте читаем: «...всякая из таких субстанций в точности представляет весь универсум каждая по-своему и с известной точки зрения» [4, с. 278]. Правда, поясняет философ, по отношению ко всему разнообразию и ко всем подробностям универсума это представление бывает лишь смутным и отчетливым может быть только по отношению к небольшой части вещей [4, с. 423].

У Ф. Ницше перспективность бытия связывается с понятием взгляда как активно избирательного движения в зрительном поле. Перспектива мира с точки зрения Бога – как абсолютная и единственная – сменяется множеством отдельных частных перспектив. Глаз как то, что видит, и вещь как то, что видится, образуют некое онтологическое единство. Вещь по своему содержанию неотделима от соответствующего «угла зрения». Равным образом и субъект – это отнюдь не трансцендентальное единство Я, субъект – это всегда изменяющаяся, наряду с другими, частная точка зрения на вещь.

Наши понятия и теории, полагает Ницше, суть концептуальные конструкции, которые мы налагаем на познаваемый мир. Между нашими субъективными конструкциями и самими вещами нет соответствия, совпадения, поэтому об истинах человеческого познания можно говорить лишь условном смысле, лишь как о «фикциях». Но речь идет о фикциях особого рода, ибо они одновременно представляют собой познавательные «перспективы» видения мира вещей.

В XX в. детальную проработку учения о «точке зрения» мы встречаем у Ортеги-и-Гассета. Он начинает свой анализ проблемы с примера, в котором мы видим сходство с примером Лейбница: два человека смотрят на один и тот же пейзаж с различных точек зрения; они видят, однако, не одно и то же. Разница в местоположении приводит к тому, что пейзаж организуется различным образом перед взором каждого из них. Есть ли смысл одному из них объявлять пейзаж другого ложным? Конечно, нет – один пейзаж столь же реален, как и другой. Но не менее бессмысленным был бы вывод об иллюзорности обоих пейзажей – на том основании, что они не совпадают [5, с. 46]. «Космическую реальность можно видеть лишь в опре-

деленной перспективе. *Перспектива – это один из компонентов реальности. Не будучи ее деформацией, она является ее организацией. Остающаяся тождественной самой себе реальность, с какой бы точки зрения на нее ни смотрели, является абсурдным понятием* [5, с. 47]. Далее Ортега конкретизирует свою концепцию следующим образом: расхождение между мирами двух субъектов не предполагает ложности одного из них; напротив, именно потому, что видимое каждым из них – это реальность, а не фикция, одно восприятие должно отличаться от другого. Это расхождение не есть противоречие, это дополнение. Каждый индивид – человек, народ, эпоха – есть незаменимый орган постижения истины. Целостная истина может быть получена только путем соединения того, что видит мой ближний, и того, что вижу я, – и так далее. Сопоставив все частичные картины, можно соткать всеобъемлющую и абсолютную истину, [5, с. 47].

Реальность устроена так, говорит Ортега, что ей принадлежат «аспекты», свойством которых является стремление складываться в перспективу. Смысл познания тесно связан с понятием перспективы. Но если познание есть прежде всего перспектива, то в этом случае это отнюдь не внедрение вещи непосредственно в разум, как думали древние, и не присутствие «самой вещи» в разуме, как этого хотели схоласты, не копия вещи, как доказывали материалисты, и не конструирование вещи, как предполагали Кант, позитивисты и представители Марбургской школы, а это «интерпретация» вещи посредством перевода как бы с языка на язык, скажем, с немого языка бытия на красноречивый язык познания. Аспект – это момент реальности, но не следует забывать, что реальность существует «в целом» и, следовательно, всегда имеет «другие аспекты».

СРАВНЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВИЗМА ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА С ИНТЕРВАЛЬНЫМ ПОДХОДОМ

Формировавшаяся в 60-е годы концепция интервальности разрабатывалась независимо от эпистемологических взглядов Ортеги (в те годы работы испанского философа еще не были переведены на русский язык и были практически недоступны русскому читателю), тем не менее существует глубокое сходство между названными доктринами. И для первого и для второго подходов характерно особое внимание к понятию «многоаспектности» мира и к феномену «перспективы», а также отстаивание постулата о существовании объективной истины в сочетании с признанием релятивизма и плюрализма истин. Вместе с этим между данными подходами можно обнаружить принципиальные различия. В чем же они заключаются?

Первое. Для интервальной эпистемологии ключевым понятием является *интервал*, (интервальная ситуация, интервал абстракции и т.п.). Это понятие ближе к тому, что Ортега называет «аспектом», или к тому, что другие автора обозначают словом «контекст». Вопрос, однако, в том, как следует точно мыслить себе эти общекультурные метафоры. Например, как задается контекст – объективно ли, субъективно? Как и кто фиксирует границы этого контекста (или «аспекта»), совпадает ли истина с истиной лишь «относительно контекста» и т.п.? Интервал – это не просто «аспект», скорее это то, что Лейбниц называет универсумом с некоторой точки зрения, это некий не только актуальный, но и «возможный мир», точнее, некая актуализация в мире потенциального как множества возможных миров. Интервал – всегда

целостность, хронотоп, некая познавательная позиция, с которой открывается «вид» на реальность, некая перспектива видения окружающего мира. Самым типичным примером интервальной ситуации является *система отсчета* в физике; два наблюдателя – внутренний и внешний, измеряя одни и те же события, приходят к разным констатациям физических фактов, к разным истинам.

У Ортеги перспективы видения реальности как бы наплывает друг на друга, непрерывно переходят друг в друга, «горизонт» не имеет четких очертаний, он все время перемещается, плывет, дрейфует. Для интервального подхода принципиально важен момент прерывности, завершенности, определенности, наличие четких границ. Отсюда переход от одного интервала к другому в познавательном плане – это всегда резкая, скачкообразная смена гештальтов, внутриинтервальной семантики, типов дискурса и т.п.

Второе. Судя по высказываниям испанского философа, в познании все перспективы равноценны по своим гносеологическим характеристикам и возможностям. Что касается интервальной концепции, то в ней обращается внимание на существование разных типов познавательных позиций, например, видение реальности «изнутри» существенно отличается от взгляда «извне» не только по получаемому гештальту, но и по гносеологическим свойствам. Это особенно наглядно видно на примере свойств «надинтервальной ситуации». Здесь возникает важная методологическая проблема логических механизмов перехода от языка описания в рамках одного интервала абстракции к языку описания в другом интервале (Пример из квантовой механики: переход от волновой картины поведения элементарной частицы к корпускулярной картине в соответствии с принципом дополнительности).

Третье. Ортега-и-Гассет утверждает, что каждая перспектива несет в себе момент истины, однако целостная, всеобъемлющая истина достигается лишь путем соединения суммы индивидуальных перспектив. Для принципа интервальности (как обобщения идеи дополнительности) тезис о возможности синтеза разных перспектив в виде обобщающей истины неприемлем. Плюрализм истин есть прямое следствие многомерной структуры мира. Плюрализм не означает в то же время, что разные истины не могут образовывать некие *многомерные конфигурации*. Истина в интервале – отнюдь не какой-то абстрактный момент; взятую изнутри интервала ее можно рассматривать как абсолютную, ее относительность обнаруживается лишь для «внешнего наблюдателя», имеющего информацию о границах интервала.

Четвертое. Нельзя согласиться с приведенным ранее тезисом о том, что остающаяся тождественной самой себе реальность, с какой бы точки зрения на нее ни смотрели, является абсурдным понятием. Все дело в том, что у каждой вещи, явления существуют два типа свойств – одни замкнуты на данные условия актуализации, на данный интервал, другие представляют собой инвариантные характеристики, от данного интервала независимые. В этом смысле инварианты (по отношению к данной перспективе) суть «тождественная самой себе реальность». Это означает, в частности то, что плюрализм перспектив и истин вовсе не исключает единства многообразного, многомерность не противоречит факту тотальности. Интервальность и тотальность – два аспекта единого, но многомерного бытия.

Пятое. Гносеологическим взглядам Ортеги совершенно чужда идея «гносеологической фокусировки», между тем для интервального подхода она играет ключевую роль. В рамках данной статьи нет возможности останавливаться на этой понятии подробно. Отметим поэтому лишь несколько моментов. С явлением фокусировки мы встречаемся, вообще говоря, уже на перцептивном уровне, когда возникает необходимость в «наведении на резкость» с целью получения отчетливого изображения. В сущности, «наведение на резкость» есть элементарная процедура, в которой фигурируют три основных элемента познавательной ситуации – объект, субъект и связывающий их информационный посредник. Гносеологическая сущность фокусировки в данном случае заключается в том, чтобы найти *меру адекватности* зрительного образа объекту в заданных условиях. Чем задается эта мера? Во-первых, природой самого объекта (его предметной выделенностью из среды, его размерами, структурой и т.п.); во-вторых, природой субъекта, (наличием у него соответствующих органов чувств, а также формируемой социокультурными механизмами *интерпретативной матрицы*, обеспечивающей способность к узнаванию и истолкованию); в-третьих, свойствами информационного посредника (например, свойствами потока оптических сигналов).

Опытно-экспериментальная деятельность ученого также может быть рассмотрена как систематический поиск меры адекватного согласования выдвигаемых в теории объяснительных моделей и эмпирических данных. В этом контексте гносеологическая фокусировка приобретает дополнительные черты. Она связана здесь с конструированием такой экспериментальной ситуации, в пределах которой изучаемое явление протекает в «чистом виде», а искомые законы природы обнаруживаются с такой степенью точности, что позволяют зафиксировать их с помощью теоретических средств. Предметно воспроизводя в эксперименте упрощающие, идеализирующие условия для протекания исследуемых явлений, субъект воссоздает новую, очищенную от случайностей и затемняющих обстоятельств реальность, по отношению к которой научные абстракции, включая математические конструкты, находят точную и однозначную интерпретацию. (Два примера фокусировки в физике: 1) процедура по созданию условий прямолинейного и равномерного движения (в кл. механике), т.е. подборка инерциальной системы отсчета, 2) ф-ка в общей теории относительности – пример с падающим лифтом, где константа связала с заданием однородного поля тяготения.)

Из сказанного вытекает тот вывод, что любая познавательная перспектива выполняет свою гносеологическую функцию лишь при условии, что она определенным образом подогнана к требованиям познавательной задачи. Любопытно, что эту проблему хорошо чувствовал Лейбниц, когда подчеркивал, что представления, которые возникают у монады, в общем случае всегда смутны, однако, в зависимости от условий восприятия они могут иметь разную степень отчетливости.

МЕСТО ПЕРСПЕКТИВИСТСКОЙ ИДЕИ В ИНТЕРВАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Интервальность включает в себя как понятие перспективы, так и метафору контекстуальности, которой пронизаны многие философские теории XX века – герменевтика, феноменология, философия естественного языка и др. При этом следует

отметить, что интервальный проект, начиная с 60-х годов, формировался независимо от этих течений и их ключевых понятий, опираясь прежде всего на новые идеи в области современной физики (понятие относительности, дополнительности, системы отсчета и т.п.). Тем не менее, перспективизм и контекстуализм естественным образом вызревал в недрах интервальной методологии как логическое следствие понятия *интервала*. Однако здесь перспективизм и контекстуальность получают, во-первых, более точную концептуальную проработку, во-вторых, специфически интервальный смысл. Ведь интервал – это вовсе не любой мысленный контекст рассмотрения, это некая целостность, имеющая онтологическую укорененность, то, что может быть фиксировано опытным путем. И именно эта целостность и самозамкнутость той или иной интервальной ситуации порождает самую возможность такого познавательного феномена, как перспектива (наблюдатели в одной системе отсчета, видят мир иначе, чем в другой именно в силу того, что они измеряют одно и то же физическое явление, находясь *объективно* в разных условиях).

Вместе с тем, перспектива выступает как совпадение двух концов познавательного отношения – объективного и субъективного. Подобно тому, как при восприятии пейзажа «точка наблюдения» должна быть выбрана с учетом объективных обстоятельств, предопределяющих возможность максимальной сфокусированности, так и при выборе познавательной позиции любого другого типа необходимо принимать во внимание объективные *условия познания*. В этом случае познавательная позиция приобретает новое в гносеологическом отношении качество: с одной стороны, она есть некоторая «точка отсчета» субъекта, задающая интеллектуальную перспективу видения реальности и обеспечивающая самую возможность интерпретации и схватывание смысла, с другой стороны, она есть нечто извне детерминируемое, некая объективная мера, предопределяющая фактуальность смысла и обуславливающая масштаб подхода к изучаемому предмету, некий его «аспект», высвечиваемый субъектам с помощью имеющихся у него предметно-практических и концептуальных средств.

Смысл не только должен быть схвачен субъектом посредством определенных познавательных операций, но и должен быть задан обстоятельствами как предпосылка. Так, в свободно и бесконечно падающем лифте (пример Эйнштейна) наблюдатель в принципе не может сформировать понятие веса в виду отсутствия в операциональном пространстве опыта поля тяготения. Другой пример: смысл ходов, которые делаются при игре в шахматы, оценка их эффективности, стратегия и динамика противоборства – все это задано смыслообразующим фактором – *правилами игры*. Подобно этому смысл отношений покупателя и продавца определяется экономическими законами, которые, в свою очередь, определяют правила рыночной игры. Семантическое пространство интерпретаций всегда конституируется смыслозадающими «правилами игры» из той или иной сферы.

СТРУКТУРА ИНТЕРВАЛА

Структура интервала характеризуется тремя моментами: интервалообразующими константами, интервалоприобретенными свойствами, инвариантами. Первые конституируют сам интервал, вторые возникают как эффект порождения внутри интервала (эмержентные свойства), третьи выходят за рамки данного интервала и

могут играть роль несущей конструкции для сборки интервалов в определенные конфигурации.

Для интервальной концепции весьма важным является понятие интервалообразующей константы – ИК. Всегда подчеркивалось, что интервал – это целостность; но чем она обусловлена и в чем проявляется? Примером ИК в классической механике является 1-й закон – принцип инерции, (о котором Тулмин говорит как о «естественном принципе»). Этот закон обеспечивает возможность инерциальной системы отсчета и служит основанием этого понятия. Константа задает целостность; так, если вагон поезда движется со скоростью 100 км/час, то и все предметы, находящиеся в вагоне и не имевшие самостоятельные источники энергии, движутся с той же скоростью и по данному признаку становятся неразличимыми (тождественными). Но в таком случае этот признак становится операционально нефиксируемым изнутри (изнутри нельзя определить, движется вагон или нет и какая у него скорость). Изнутри мы можем определить движение тел *относительно* вагона; это такие тела, которые способны получать дополнительную энергию из немеханических источников.

ИК обладает следующими свойствами:

- 1) она выступает как закон, как естественное допущение,
- 2) она задает целостность некоторой ситуации,
- 3) она позволяет четко разделить все свойства вещей на два класса – на варианты (относительные) и инвариантные (абсолютные),
- 4) она выступает основой фокусировки.

ИК включает в себя как бы два момента. Это видно на примере инерциальной системы отсчета. С одной стороны, это принцип инерции, с другой, это частная (и в этом смысле случайная) физическая величина, например, скорость $V = 100$ км/час. Таких констант может быть бесчисленное множество. Однако среди них один параметр является выделенным, это C скорость света, константа, заданная самой природой. По мере приближения V к C формула сложения скоростей должна давать результат, не превышающий C , т.е. $V_1 + V_2$ всегда меньше C .

Возникает вопрос об относительности ИК. Постоянная скорость вагона может быть произвольно любой, но ведь это всегда относительная скорость (например, относительно Земли), т.е. скорость в 100 км/час одновременно (по отношению к другой системе отсчета) может быть и 80 км/час? и 120 км/час и т.д. В известной степени это все «условно», но главное во всем этом одно безусловное, это то, что во всех случаях движение осуществляется по *инерции* (плюс сила, преодолевающая трение). Это – момент абсолютного. Что касается скоростей, то есть только одна абсолютная скорость – C . Во всех этих рассуждениях важно одно: интервал хотя и содержит в себе относительный момент (например, величина скорости вагона), но он всегда как бы центрирован на абсолютном моменте.

Возникает вопрос: какие можно найти примеры ИК в гуманитарной сфере? Здесь следует обратиться к тому, как определяются такие понятия, как семья, нация, государство, культура, наука. Как правило, они определяются через выявление общности, общих признаков – экономических, правовых, языковых, культурных, которые цементируют ту или иную социокультурную целостность; это такие каче-

ства, которые присущи всем элементам той или иной системы, напр., общность материальных или социальных интересов, совпадение мировоззренческих позиций, способов видения реальности, определяемых общностью” мифов, религий, идеологий, моральных установлений. Человеку одинаково важны как материальные интересы, так и духовные смыслы и потребности. Поэтому те смыслы, ценности и интересы, которые касаются основ его бытия, становятся интервалообразующими константами в его социальном и духовном существовании. Соответственно можно говорить и об *антропологических константах*. Об этих константах спорят, но они, конечно, существуют, начиная от генома индивида, и кончал набором требований рациональности, без которого не могла бы существовать объективная наука. ИК делит все характеристики на относительные и абсолютные. Относительные – это те, которые приняты в данном типе культуры, в данном государстве (например, юридические законы данного государства), абсолютные – это те, которые выходят за пределы данной целостности (например, международное законодательство). В чем отличие ИК от относительных качеств? Можно указать, по крайней мере, на два отличия:

А) относительные качества выступают как вторичные, производные от ИК, напр., законы вводит законодатель данного государства. Законы вводятся, исходя из общих интересов данного народа и с учетом существующих условий. В этом смысле конституция ближе к ИК, последняя выступает как правовое оформление исходной общности (ИК).

Б) ИК имеет отношение не только к внутриинтервальным аспектам, но и к глобальной ситуации, ведь любая общность только тогда стабильна, когда она естественным образом вписана в общий план, тонко подогнана к другим интервалам, выражая момент глобального равновесия. В частности, если речь идет о государствах, общность выражает момент геополитического равновесия и общечеловеческих ценностей, ибо мы все сидим в одной и той же лодке всемирной истории. ИК выстраивается таким образом, что в интервале, в его замысле как основополагающей структуре обеспечивается гармония локальных и глобальных интересов и факторов.

Все попытки выстраивать ИК без учета внешних условий, игнорируя глобальную ситуацию, общественное мнение и т.п. чреваты кризисом и развалом. Вместе с тем, все попытки глобальных сил поставить под тотальный контроль отдельные интервалы губительны как для этих интервалов, так – в конечном счете – и для всего мира. Это прекрасно показал еще Н.Данилевский в своих рассуждениях о самоценности отдельных культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение вновь вернемся к тем трем методологическим трудностям, с которыми сталкивается перспективизм и о которых шла речь в начале статьи. Какое разрешение этих затруднений видится в свете интервальных представлений?

Сохраняется ли понятие объективной истины? Если понятие перспективы трактовать интервально, т.е. как то, что обусловлено многомерностью самого объекта, в этом случае естественно признавать достижимость истины в актах познания. Что касается проблемы тождества предмета при сравнении его отображений в разных перспективах, то данное затруднение разрешимо в силу того, что каждый предмет

имеет не только свойства, замкнутые на интервал, но и свойства, качества, отношения, которые от данного интервала не зависят и могут в качестве инвариантов служить основанием для процедуры отождествления. Наконец, проблема применимости перспективизма к самой этой методологии. Во-первых, здесь следует различать два уровня – предметный и метауровень (в данном случае – методологический), В строгом смысле слова перспективизм (в его интервальном толковании) применим лишь на предметном уровне. Что касается того, применим ли интервальный подход к самому этому подходу, то это особая проблема, требующая специального рассмотрения. В общей форме можно сказать, что интервальная парадигма, разумеется, имеет ограниченную сферу своей применимости. Есть ситуации познания, которые не связаны с феноменом перспективы, в частности, те, в которых на первый план выходит инвариантная сторона дела.

Список литературы

1. Лазарев Ф.В. О природе научных абстракций. –М., 1971; Лазарев Ф.В., Сагатовский В.Н. О формировании «интервального» стиля мышления //Философские науки. –М., 1979. -№1. –С. 64-72
2. Лазарев Ф.В., Брюс А. Литтл. Современная эпистемология: дух и проблемы. – Симферополь, 1999.
3. Новоселов М.М. Логика абстракций /методологический анализ/. –М., 2000.
4. Лейбниц. Соч. в 4-х томах. – М., 1982, т.1.
5. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991.

Поступило в редакцию 23.10.02